

Видя сестру в таком состоянии, Чжоу Хэн невольно почувствовал легкую смутную грусть на сердце, но куда больше в нем было радости — он радовался за нее.

Как же тяжело ей было растить их всех! После внезапной смерти родителей старшая сестра осталась за главную. Если бы не ее деловая хватка и способность в одиночку вытянуть семью на своих плечах, еще большой вопрос, сколько бы из братьев и сестер дожило до сегодняшнего дня.

Ван Юэ улыбнулась и ничего не ответила, но ее лицо буквально сияло от счастья. Словно на нее был наложен какой-то смягчающий фильтр, и когда Чжоу Хэн посмотрел на нее, у него даже в глазах заслепилось. Этот образ счастливой, хрупкой женщины был поистине прекрасен.

Теперь во всех важных делах Ван Юэ во всем полагалась на Чжоу Хэн.

До того как они оформили переход в другую семью, все домашние дела — и большие, и малые — решала исключительно она. Но после этого он стал сам зарабатывать деньги и содержать семью, что, судя по всему, придало ему уверенности. И хотя хозяйством по-прежнему заправляла она, в принципиальных вопросах — вроде этого — Чжоу Хэн проявлял завидную твердость. На словах это вроде бы обсуждалось с ней, но на деле было лишь уведомлением о принятом решении. Впрочем, такая властность совсем ее не раздражала; она понимала, что муж делает это ради ее же блага. Сама бы она ни за что не позволила себе потратить такие деньги.

Прихватив сборник рецептов, Чжоу Хэн проводил их до арендованного жилья, а затем снова вышел на улицу. При нем был список всего, что еще требовалось докупить. Он даже заглянул на пункт приема утильсырья — проверить, нет ли там чего полезного. И надо же, ему действительно удалось подобрать несколько слегка шатающихся табуреток. Если подложить под ножки какие-нибудь подставки, ими вполне можно было пользоваться. Они пробудут здесь недолго, так что сойдет и то, что есть, лишь бы на первое время хватало.

Когда Ван Го увидела, сколько всего он накупил съестного, она удивленно уставилась на Чжоу Хэна. Они же собирались пробыть здесь всего месяц! Зачем закупаться в таком объеме, будто собирались жить здесь постоянно? Какая потом будет морока везти все это обратно!

С точки зрения Чжоу Хэна, это было ровно на месяц — ровно столько, сколько положено. Если потом не хватит, можно докупить еще. Но в глазах Ван Го, привыкшей во всем экономить, такого количества продуктов должно было хватить надолго.

Я купил глиняный горшок — он пригодится для тушения супа. Подумал, что свиные ребрышки подойдут лучше всего, и немного взял. Все, что велел врач, я уже купил, сестренка, можешь сложить все вместе и поставить вариться.

Ван Го тоже была грамотной. В те годы их старшая сестра уже училась в средней школе, когда же случилась беда, ей пришлось бросить учебу и вернуться домой работать. Тем не менее, основам грамоты они все были обучены и кое-что читать умели, так что разобраться со

списком не составило труда.

Она кивнула:

— Хорошо.

Из-за всей этой суматохи уже стемнело. Поужинав, они легли спать, но Ван Юэ ворочалась с боку на бок и никак не могла уснуть.

Чжоу Хэн спросил, в чем дело.

— Не знаю. Наверное, непривычно в незнакомом месте.

Ван Юэ вцепилась в рукав Чжоу Хэна:

— Я соскучилась по сыночку. Целый день его не видела, вдруг он плачет и зовет маму? Он ведь еще никогда не расставался со мной больше чем на сутки.

Чжоу Хэн похлопал ее по спине:

— Перестань обнять себя накручивать. Сколько времени-то прошло? К тому же с ним бабушка с бабушкой, разве им не хорошо вместе? Вот родишь, отлежишь положенный месяц — пройдет всего-то чуть больше месяца, оглянуться не успеешь.

— Тебе легко говорить! Больше месяца... А я ведь с ним ни единого дня не расставалась.

Когда ей нужно было съездить к родителям, она ночевала там, но на следующий день возвращалась всегда вместе с сыном. Так что до сих пор они не разлучались больше чем на день. Стоило ей представить, что больше месяца она не увидит ребенка, как на душе становилось тревожно и пусто.

Чжоу Хэн и сам не знал, как ее утешить:

— Не думай о плохом, тебе нужно спать. Врач же сказал, лучше лечь пораньше.

Поворочавшись еще добрых полчаса, Ван Юэ наконец заснула.

На следующий день после завтрака Чжоу Хэн повел их немного прогуляться. Беременной перед родами нельзя было постоянно лежать в постели, требовалось больше двигаться. К тому же младшая сестренка еще ни разу не была в городе и очень хотела посмотреть на все вокруг.

В прошлый раз Ван Юэ тоже бегом сделала покупки и сразу вернулась назад. На этот раз они шли не спеша, сделав несколько кругов по окрестностям, чтобы хотя бы запомнить дорогу.

Они даже дошли до универсама. Увидев столь масштабный торговый центр, Ван Го замерла с видом деревенщины, впервые попавшей в столицу, и то и дело издавала изумленные возгласы. Такое поведение вызвало у многих продавцов презрительные взгляды и кривые усмешки.

Однако Ван Го было совершенно все равно — она просто глазела по сторонам. Ну и что с того, что она смотрит?

В те времена талоны еще полностью не ушли из жизни людей: для покупки некоторых товаров они уже не требовались, но за многое по-прежнему приходилось отдавать талоны.

В итоге они все же кое-что купили — две новенькие резинки для волос.

Больше ничего приобретать не стали, из-за чего Чжоу Хэн не знал, смеяться ему или плакать. Столько времени ходили по магазинам, а перед самым уходом купили только резинку для волос.

Зачем тогда было столько времени бродить?

Ван Юэ и Ван Го ответили в один голос:

— Ты ничего не понимаешь!

Чжоу Хэн лишь молча возвел глаза к небу.

На третий день, когда Чжоу Хэн отправился за продуктами, возле больницы он случайно столкнулся с дядей Ли-вторым и Тетушкой Лю, которые как раз разыскивали их.

Дядя Ли-второй за спиной узел с пожитками, а Тетущка Лю несла на руках Сяо Цюаня. Завидев его, они радостно закричали:

— Ши-тоу! Ши-тоу!

— Папа! — хрипло окликнул его Сяо Цюань, вцепившись в руку Тетущки Лю, с красными и опухшими от слез глазами.

— Папа, мама? Сяо Цюань? Вы как здесь оказались? — изумленно посмотрел на них Чжоу Хэн. Заметив красный нос и припухшие глаза мальчика, он сразу догадался, что произошло.

— Эх, тут долгая история! Сяо Цюань ведь никогда не расставался с матерью. Первый день еще куда ни шло, а потом как мы его ни успокаивали — ничего не помогало. Голос от крика сорвал, надрывается, кричит, что ему нужна мама. Делать было нечего, собрались и приехали сюда, искать вас.

Тетушка Лю тяжело вздохнула — раньше они и сами не подозревали, что мальчик так привязан к матери.

У Чжоу Хэна невольно сердце сжалось от жалости. Он подхватил узелок с плеча дяди Ли-второго:

— Идемте за мной. Сяо Цюань, мама совсем рядом, не плачь больше, ладно? Она ведь тоже по тебе безумно скучает, я ей уже сколько раз говорил.

— Мама! — услышав, что мама рядом, Сяо Цюань вытянул шейку и заглянул вперед.

— Вот сюда, идемте.

Едва они вернулись в съемное жилье и показались на глаза Ван Юэ, как Сяо Цюань заерзал на руках у Тетушки Лю, завопил «Мама! Мама!» и стремглав бросился к ней. Уткнувшись лицом в ее колено, он залился горячими слезами. От этого хриплого детского плача у Ван Юэ едва не разорвалось сердце.

— Ой, Сяо Цюань, ты чего? Ну-ну, хватит плакать, тише, успокойся... Все, не плачь, мама здесь, вот она.

Ей было неудобно наклоняться, поэтому она просто сидела на табурете, гладила сына по спине и утешала его.

Потребовалось немало времени, чтобы его унять. Мальчик наконец перестал рыдать, одной рукой всхлипывая и жуя печенье, а другой накрепко вцепившись в ее ногу. Он наотрез отказывался отпускать мать, словно боясь, что она снова исчезнет.

Хотя Чжоу Хэн и считал, что излишняя маменькина привязанность для ребенка вредна, сейчас у него просто не поднималась рука быть с ним строгим. Он решил, что мальчик подрастет и станет самостоятельнее позже, а пока он еще совсем кроха.

— Папа, мама, вы с дороги устали, проголодались? Давайте перекусим и отдохнете как следует, — пригласил Чжоу Хэн. Ван Го уже хлопотала у плиты, заваривая лапшу.

Гости отказываться не стали: последние два дня выдались поистине изнурительными. Как они ни старались успокоить Сяо Цюаня, ничего не помогало, а смотреть на его непрекращающиеся слезы было выше сил — ребенок выбился из сил от плача, да и старикам досталось.

Так Сяо Цюань, который никак не мог жить без матери, остался здесь. Дядя Ли-второй и Тетушка Лю опасались, что в случае чего они не смогут никого отыскать — телефонов для быстрой связи не было, а при себе у них были и деньги, и сменная одежда, так что они решили пока остаться вместе со всеми. Квартирка состояла из двух комнат: теперь в одной комнате поселились дядя Ли-второй, Тетушка Лю и Сяо Цюань, а во второй жили сестры Ван Юэ и Ван

Го. Сам же Чжоу Хэн устраивался на ночлег прямо в гостиной, расстлая постель на полу. Днем матрасы и одеяла убирали в комнату, а вечером стелили заново — в общем, приспособились как-то пережить это время.

По сравнению с тем, как приходилось терпеть неудобства, лежа на полках в поезде, это было сущим пустяком, и он быстро ко всему привык.

Кому-то из двоих стариков все равно пришлось бы вернуться в деревню — дома оставались куры и прочее хозяйство, за которым требовался присмотр. Но поскольку они никогда раньше не бывали в городе, Чжоу Хэн прекрасно понимал, что они просто не смогли вынести вида плачущего внука. Набравшись храбрости, он привез их в городской госпиталь к матери, и в глубине души Чжоу Хэн был искренне тронут поступком стариков. Для людей, никогда не уезжавших так далеко от дома, решиться на такой шаг стоило немалого мужества.

Добро платят добром, и он охотно был готов сделать для них все, что в его силах. Взяв Сяо Цюаня на руки, Чжоу Хэн устроил им небольшую экскурсию по городу, уделив особое внимание универмагу. По сравнению с сельмагом в их поселке, здешний торговый центр казался просто огромным, а ассортимент товаров — неизмеримо богаче. Тетушка Лю даже не удержалась и накупила целую кучу нужных вещей.

Пробыв здесь три дня, дядя Ли-второй объявил, что пора возвращаться. Чжоу Хэн проводил его до самого дома и лишь после этого вернулся обратно — отпускать пожилого человека в одиночную дорогу он не рискнул.

Тетушка Лю же осталась в городе вместе с Сяо Цюанем: когда малыш родится, лишние рабочие руки в доме точно не помешают.

Вернувшись, Чжоу Хэн принес с собой огромный пакет зелени со своего огорода и целый бочонок яиц, которые передал Старший дядя Ли.

После этого распределение комнат пришлось переиграть: Чжоу Хэн и Ван Юэ стали спать вместе в одной комнате, а Тетушка Лю с Сяо Цюанем и Ван Го — в другой.

Прошло еще чуть больше полумесяца, наступил срок родов, но Ван Юэ все никак не рожала.

Чжоу Хэн забеспокоился и отвез жену на осмотр в больницу, однако врач успокоил его, сказав, что задержка на несколько дней — явление абсолютно нормальное и переживать не стоит.

Только тогда Чжоу Хэн немного расслабился, хотя при виде столь огромного живота сохранять хладнокровие было выше его сил.

Но стоило ему выдохнуть, как ранним утром следующего дня у Ван Юэ начались схватки. Поскольку она рожала уже во второй раз, то вела себя на редкость хладнокровно: первым

делом попросила Ван Го быстренько помочь ей вымыть голову и хорошенько высушить волосы, съела пару яиц и лишь после этого позвала Тетушку Лю и Чжоу Хэна, объявив, что процесс пошел. Чжоу Хэн не хотел вспоминать тот переполох, но в конце концов его, посчитав лишь помехой, просто выставили из палаты. По словам Тетушки Лю, он только зря путался под ногами.

Войдя в родильное отделение, он увидел, как закрылась дверь, и они остались ждать снаружи, снедаемые тревожной неизвестностью. Сяо Цюань почувствовал неладное в атмосфере между взрослыми, и, вспомнив недавний страх от внезапного исчезновения мамы, на глаза у него навернулись слезы. Он принялся звать: «Мама, мама, мне нужна мама!»

Чжоу Хэн подхватил его на руки и тихонько успокоил: «Мама там, внутри, рожает тебе братика или сестричку, она скоро выйдет. Ей сейчас нужен покой, давай не будем шуметь, хорошо?»

Из всего сказанного он понял лишь то, что шуметь нельзя — так всегда говорили перед сном. Мальчик поспешно зажал рот ладошкой и оглядел палату: неужели мама спит? Раз так, шуметь нельзя, значит, он будет молчать, чтобы не будить маму.

Роды оказались не из легких.

К полудню от криков, доносившихся из родовой, нервы у всех были на пределе. Из дверей вышла молоденькая медсестра в халате и обратилась к Чжоу Хэну: «Вы ее муж? Роды проходят с осложнениями, вам нужно морально подготовиться».

Лицо Чжоу Хэна побледнело, он вцепился в ее руку: «Помогите ей! Умоляю вас!»

«Не переживайте, мы сделаем все возможное», — она высвободила руку и вернулась внутрь.

Тетушка Лю рядом тяжело вздыхала, а Ван Го уже утирала сбежавшие слезинки.

Сяо Цюань, глядя на мечущегося туда-сюда отца, даже не смел плакать, лишь испуганно жался к Тетушке Лю.

Чжоу Хэн нарезал круги, казалось, он готов был стертый до дыр пол превратить в пыль.

Кто знает, сколько еще времени доносились стоны и глухие охи Ван Юэ, пока наконец оттуда не раздалось громкое «у-а!» — детский плач. Услышав его снаружи, все сразу встрепенулись. А спустя какое-то время, примерно полчаса, раздался еще один крик, правда, этот голос был куда слабее первого.

Вышел врач и сообщил новости: «Вы ее муж? Мать и дети живы и здоровы, но младший ребенок родился довольно слабым, придется оставить их на пару дней в больнице под наблюдением».

«Хорошо-хорошо, как скажете, сделаем всё, что нужно! Спасибо доктор, а как жена?»

«Она сильно устала и заснула, когда проснется, все будет в порядке. Подготовьте заранее вещи, теперь обоих малышей нужно поместить в инкубаторы для наблюдения».

«Хорошо». Тетушка Лю и остальные захватили с собой одежду и одеяла, когда ехали сюда, а дома на плите еще томился куриный бульон.

«Доктор, доктор, кто родился, мальчики или девочки?» — Тетушка Лю еще не знала пола детей.

«Оба мальчика».

«Хорошо-хорошо, спасибо, доктор, спасибо!» — услышав, что родились мальчики, Тетушка Лю засияла еще ярче. Родить мальчиков — это прекрасно, рождением сыновей можно гордиться и поднять статус семьи.

Ван Го тоже радовалась за сестру: теперь-то положение Ван Юэ в семье было окончательно и бесповоротно укреплено.

Пока они перекидывались этими фразами, из палаты вышли две медсестры, каждая бережно прижимая к груди сверток. Все тут же бросились вперед, но стоило им бросить пару взглядов на детей, как малышей тут же унесли. Глядя на этих двух тощих заморышей, Чжоу Хэн невольно заволновался: удастся ли их выходить?

«Мы уже можем навестить роженицу?» — спросила Ван Го врача.

«Подождите еще немного, там еще не все убрали».

Вскоре дверь приоткрылась, и послышалось: «Уборка закончена, можете входить, только потише, не беспокойте ее отдых».

Чжоу Хэн вошел внутрь. Глядя на совершенно белое, лишенное всякихски красок лицо Ван Юэ и втягивая витавший в палате после уборки едва уловимый запах крови, он наконец облегченно выдохнул. Только сейчас он заметил, что его спина насквозь пропиталась потом, неприятно прилипнув к коже.

Убедившись, что все в порядке, Тетушка Лю и Ван Го тоже перевели дух. Сяо Цюань сначала спал, но теперь проснулся. Он заглянул к маме и тихонечко позвал: «Мама, ты спишь?»

Чжоу Хэн приложил палец к губам и шепотом произнес: «Да, мама сильно устала и уснула, давай не будем ее шуметь».

Выйдя в коридор, Сяо Цюань погладил себя по животу и жалобно протянул: «Папа, я проголодался».

Эти слова словно нажали на какую-то скрытую кнопку: животы всех троих взрослых дружно заурчали — они ведь совсем забыли про обед.

Ван Го поднялась на ноги: «Я сбегаю домой, сварю лапши. Подождите меня здесь, я приготовлю и принесу».

«Зачем носить обратно, слишком хлопотно. Сваришь — поешь сама, а как закончишь, принесешь сюда суп, который мы варили для твоей сестры, подежурить здесь, а мы пока сходим домой поесть».

«Так тоже можно».

Роды отняли у Ван Юэ слишком много жизненных сил, и врачи в один голос твердили, что роженице необходимо как следует питаться, желательно соблюдать послеродовой период с двойным усердием.

Услышав наставления медиков, Тетушка Лю и Ван Го взялись за дело со всем рвением: куриные супы, свиные ножки, рыбные бульоны сменяли друг друга один за другим. От таких ароматов беременная женщина на соседней койке беспрестанно сглатывала слюну. Ей самой вот-вот предстояло рожать, она только-только поступила в больницу, и хотя дома ее не обделяли едой, здешнее меню ни в какое сравнение не шло с тем, что было у соседок.

Заметив, что близкие Ван Юэ вышли, она с завистью обратилась к ней: «Ты в этот раз сразу двух сыновей родила, я вот тоже о мальчике мечтаю».

Роди она сына, и свекр со свекровью, да и собственный муж, пожалуй, стали бы относиться к ней лучше.

«Это твои первые роды?»

«Ага».

«Кого бы ни родила — и мальчик, и девочка хороши». На самом деле ей самой хотелось в этот раз дочку. Сыновья — это, конечно, прекрасно, но когда сыновья уже есть, ей бы хотелось еще одну маленькую дочурку, отраду для сердца.

«У тебя-то сыновья уже есть, легко говорить!»

Ван Юэ лишь слегка скривила губы в усмешке и промолчала. Она осторожно погладила по

щечке младшего сынишку, спавшего рядом. Его личико было розовым, а кожа постепенно светлела. В мыслях она снова вернулась к новорожденному малышу, оставшемуся в инкубаторе. Молока у нее нынче прибывало маловато, на двоих детей его катастрофически не хватало, так что приходилось подкармливать их смесью. Ван Юэ чувствовала себя виноватой перед крохами: детское питание нынче дорогое, а врачи в один голос твердили, что материнское молоко — лучшее на свете. Жаль только, что в этот раз с молоком у нее совсем не задалось.

Из двух близнецов младший оказался слабее, поэтому большую часть скудных запасов молока она отдавала ему.

Сама Ван Юэ молчала, а вот соседка по палате усидеть в тишине не могла — без разговоров ей было невыносимо скучно.

«А твой муж кем работает?»

«Бегаёт по чужим поручениям, наверное, толком и не знаю. Знаю только, что ему вечно приходится мотаться поездами по разным городам».

«Наверное, торговый представитель?»

«Может быть».

«Хорошо быть торговым представителем! Я вот в бюро по снабжению тружусь, мой муж тоже, родители оба рабочие. У нас есть стабильный доход, вот я и смогла позволить себе рожать в больнице. Вы-то все в деревне землей занимаетесь, только муж деньги зарабатывает, должно быть, условия у вас отличные».

Ван Юэ покачала головой, ей не хотелось развивать эту тему: «Эх, у меня двойня, я только ради безопасности решила ехать в город. Кстати, твоя свекровь ушла и до сих пор не вернулась».

«Домой за вещами побежала».

«Ты тут совсем одна?»

«Ага, ничего, скоро вернется».

«Хорошо, если дом близко. Я слышала, как ты говорила, что тебе тоже вот-вот рожать, как бы не в самый неподходящий момент».

«Да разве такое совпадет... Ой, больно!»

«А? Врач! Доктор!»

Закон подлости сработал во всей красе.

Начался переполох. Ван Юэ не могла подняться с постели, поэтому попросила младшую сестру приглядеть за соседкой — родных-то у той еще не было рядом.

Первые роды даются тяжело, но в конце концов все обошлось благополучно. Соседка родила девочку. Хотя она и говорила, что мечтала о сыне, но разве можно не любить кроху, появившуюся на свет через такие муки?

Ван Юэ видела и ее мужа, и свекровь со свекром. Новоиспеченный отец суетился неуместно и растерянно, однако было очевидно, что рождение дочери его ничуть не огорчило. А вот старшее поколение — другое дело: услышав, что родилась внучка, их радостные лица мигом поблекли, словно выцветшая ткань, сделавшись пустыми и равнодушными.

Будучи сама женщиной, Ван Юэ, наблюдая эту извечную сцену, повторяющуюся что в деревне, что в городе, подумала про себя: нет дочки — ну и ладно. В этот век мальчикам по-прежнему живется куда проще и снисходительнее.

Она еще не знала, что из-за подобных предрассудков, ставящих мальчиков выше девочек, когда ее сыновья подрастут и придет пора жениться, в стране будут насчитываться миллионы одиноких холостяков.

Спустя месяц Ван Юэ наконец выписалась из больницы и переехала в одноэтажный дом. Следуя предписаниям врачей, они организовали ей расширенный послеродовой уход, позволив отдохнуть еще целых тридцать дней, так что жилье пришлось снять на более долгий срок.

Оба малыша уже вовсю осваивались дома. Младший, по имени Третий, рос еще слабее и отличался куда более капризным нравом: стоило раздаться какому-то резкому звуку, как он тут же принимался надрывно плакать. Голосок у него был тоненький, и этот плач до того разрывал сердце, что взрослым оставалось только без конца носить его на руках и укачивать.

Чжоу Хэн понял, что воспитывать детей — это поистине каторжный труд. Ван Го взялась ухаживать за роженицей и в свободное время приглядывала за Сяо Цюанем, в то время как за младшенькими присматривали Тетушка Лю и Чжоу Хэн. Воистину, младенцы способны довести кого угодно: каждые два часа им требовалось питание, и посреди ночи всё повторялось сызнова. Стоило только погрузиться в сладкий сон, как приходилось вставать и разводить молочную смесь. Стоило проснуться одному, как он тут же будил второго, и тогда на два голоса затягивался плач, от которого и самим взрослым хотелось завывать.

Иногда просыпался и Сяо Цюань, тогда Чжоу Хэн просто разводил еще одну бутылочку смеси, поил мальчика, и тот снова засыпал.

Хотя ели, пили и спали они хорошо, от недосыпа у всех троих взрослых за месяц выросли знатные темные круги под глазами. Главной причиной тревог оставался младший сынишка: слабый, болезненный, он не давал расслабиться ни на минуту, стоило ему только заплакать.

<http://bllate.org/book/21637/2232681>